

УДК 130.2: 82 (091)

Головко Вячеслав Михайлович

ДЕЙСТВИЕ И СОЗЕРЦАНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ОНТОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ И. С. ТУРГЕНЕВА

В онтологии человека И. С. Тургенева, художника и мыслителя, функциональны основные способы отношения к бытию: действенный (действие, труд, дело) и созерцательный (рефлексия, мысль, эстетическое переживание). Эти способы познавательного отношения человека к миру лежат в основе художественно-философской антропологии писателя, определяют аксиологические критерии изображения человека.

Ключевые слова: онтология, человек, мир, природа, деятельность, созерцание, социальность, достоинство личности.

Golovko Vyacheslav M.

ACTION AND OBSERVATION AS CONSTITUENT PARTS OF HUMAN EXISTENCE ONTOLOGY IN I. S. TURGENEV'S INTERPRETATION

Within human ontology of I. S. Turgenev, both artist and theorist, two principal ways of attitude towards the being are functional: the actional (action, labour, deed) and the observational (reflexion, thought, aesthetic experience) ones. These ways of human's cognitive attitude to the world constitute the foundation of the writer's artistic and philosophic anthropology and define the axiological criteria of person's depiction.

Key words: ontology, human, world, nature, activity, observation, sociality, personal dignity.

В мировую культуру И. С. Тургенев (1818–1883) вошёл как необычайно талантливый, философски мыслящий писатель. Предрасположенность к высокосложным типизациям при изображении жизни в контексте онтологической рефлексии, в процессе осмысления натурфилософских проблем и философии истории является характерной чертой его идиостиля. Человек и природа, личность и история были не просто сферой рефлексии Тургенева, а предметом познавательного, созерцательного, чувственно-эстетического отношения художника к миру, к бытию. Этот принцип отношения, как и творение, действие, труд, дело, осмысливался и утверждался им как необходимая, составная часть онтологии человеческой жизни, человеческого существования. Представление о том, что действенное и созерцательное отношение к миру является сущностным, онтологическим качеством, по сути, лежит в основе «дуализма» (1, С., VIII, 184) антропологической концепции статьи-речи «Гамлет и Дон-Кихот» (1860), являющейся «матрицей» характерологии и персонажной системы литературных произведений писателя. То, что Гамлеты «анализируют», «разрабатывают», а Дон-Кихоты «находят», «оставляют за собою дела» (1, С., VIII, 189, 176, 180), – это «необходимые и существенные звенья» действия и созерцания, «включаемые в... онтологию человеческого бытия» (8, с. 85).

Актуализируя идею личности, утверждая её право на свободу, Тургенев поддерживал философские аргументации общественной природы человека, и одновременно (объективно!) дистанцировался от персоналистической онтологии В. Г. Белинского, который на одном из поворотных этапов своей мировоззренческой эволюции утверждал, что «...судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира... (то есть гегелевской *Allgemeinheit*)» (2, с. 443). Тургеневская мысль развивалась в одном направлении с антропологическими идеями Герцена, что объясняется типологией их воззренческих парадигм. Теоретическое наследие Герцена-философа наглядно показывает, что исторически обусловленный «подъём чувства личности» значительно трансформировал общую социокультурную ситуацию в России к середине XIX века. К этому времени ясно обозначилась проблема «практически-деятельного мироотношения», прорабатывавшаяся как философией, публицистикой, наукой, так и художественной литературой (7, с. 125, 190). Теоретические работы А. И. Герцена 1840-х годов объективируют интенцию создания целостной концепции человека. В статье «Буддизм в науке» из цикла «Дилетантизм в науке» Герцен сформулировал основополагающие идеи теории личности («снятие» социальных качеств человека) и деятельностной сущности

человека: «Действование – сама личность»; «В разумном, нравственно свободном и страстно энергическом деянии человек достигает действительности своей личности и увековечивает себя в мире событий»; «человек... должен действовать в своём месте, в своём времени, – в этом его всемирное призвание, это *его* непереносимое условие» (3, с. 70, 72, 77). Такие положения философской антропологии определяют стратификацию тургеневской характерологии, поскольку в мире художественных произведений писателя развитие самосознания, мотивация, деятельность становятся важными аксиологическими критериями изображения человека.

В весьма драматических взаимоотношениях с детерминистской ортодоксальностью раннего периода «натуральной школы», с антропологизмом шестидесятников, с гегелевской традицией отождествления человека с его самосознанием, с заявлявшим свои права позитивизмом, с пограничными, двойственными теориями человека (Н. Н. Страхов, М. М. Стасюлевич и др.) в русской культуре формировалась тенденция понимания того, что «человек... включается в мир» «как бытие, преобразующее реальность и как переходящее в форму идеального существования» (8, с. 83). Обоснование и утверждение таких методологических принципов в теоретическом человековедении для отечественной литературы было тем более значимо, что «почти вся русская философия являла собой... сверх-логическую, сверх-систематическую картину философских течений и направлений» (5, с. 68). Не случайно философы начала века противопоставляли рационализму европейских систематиков «онтологическую концепцию истины», постигаемый интуитивно-аксиологически Логос, лежащий в основе русской философской традиции (см., напр.: 9, с. 20). Но Тургенев в 1847 г. в «Письмах из Берлина» рассматривал Логос как сущностную категорию тех же самых европейских систематиков и весьма иронично отзывался о «спорах и распрях» разных философских школ, о «борьбе» идей, подчеркивая, что к этому времени «литературная, теоретическая, философская, фантастическая эпоха германской жизни, кажется, кончена». «Вы легко можете себе представить, – писал в этом очерке Тургенев, – какие смешные и странные виды принимает иногда, говоря словами Гегеля, *Логос* (или Мысль, или Дух, или прогресс, или человечество – названий много в вашем распоряжении), добросовестно, медленно и тяжело развиваемый германскими умами...» (1, С., I, 315. Выделено И. С. Тургеневым. – В. Г.). Здесь важно само отношение Тургенева к Логосу как к категории «чистого мышления», «чисто спекулятивной философии» (1, С., I, 314). «Чистое мышление», созерцание и самоотвержение, действие, «разработка личности» и осознание необходимости «надломить упорный эгоизм своей личности» (1, С., VI, 168, 267) – такие этико-философские оппозиции в художественной онтологии писателя отрефлексированы в свете того, что социализация, которая вовсе не сводится лишь к проявлениям социального активизма, определяет уровень личностного бытия. С этой точки зрения анализ идейных и нравственно-психологических комплексов Гамлета и Дон-Кихота в статье-речи Тургенева имеет общую методологическую основу, а сами архетипы являются относительной противоположностью.

В этой статье писатель раскрывает «собственные понятия о высоком достоинстве» человека двух «коренных типов», связывая этот этический комплекс с деятельностью и самореализацией личности: в Гамлете «воплощено начало отрицания», «направленного против зла», в Дон-Кихоте – начало «движения», «прогресса» (1, С., VIII, 190, 182–183, 184). Здесь важен именно методологический аспект «этики как дифференциальной онтологии» (8, с. 83). Значимо то, что в интерпретации «коренных типов», символизирующих «центростремительные» и «центробежные» силы природы, наличествует не только оппозиция, но и то, что роднит эти типы. «Служение истине» – вот что объединяет Дон-Кихота и Гамлета, несмотря на то, что первый свято верит в неё, а второй «не может вполне поверить»: «Скептицизм Гамлета, – разъясняет Тургенев, – не есть также индифферентизм, и в этом состоит его значение и достоинство; добро и зло, истина и ложь, красота и безобразие не сливаются перед ним в одно случайное, немое, тупое нечто. Скептицизм Гамлета, не веря в современное, так сказать, осуществление истины, непримиримо враждует с ложью и тем самым становится одним из главных поборников... истины» (1, С., VIII, 183). Гамлет утверждает те «благородные стремления», ту гармонию «рассудка с кровью», «которые никакой скептицизм ослабить не в силах» (1, С., VIII, 190). «Скептицизм» Гамлета и «стоицизм» Дон-Кихота, их *созерцательность* и *действие* в итоге рассматриваются как формы «сохранения человеческого достоинства» и условие выполнения человеком его главного предназначения – оставлять после себя «добрые дела» (1, С., VIII, 191). Философия поступка, в компетенции которой находятся созерцание, «поступок мыслью» (М. М. Бахтин), становится одной из важнейших воззренческих и аксиологических со-

ставляющих эстетического мира Тургенева. Противопоставление Гамлета и Дон-Кихота потому и не абсолютно, что в «коренных типах» в равной мере проявляется деятельностная сущность личности. Для Тургенева «слово» героя гамлетовского типа было «делом», а сама форма такого «дела» характеризовалась как исторически обусловленная. «Цель... существования», «идеал» Гамлетов «находится в них самих», Дон-Кихотов – «вне их» (1, С., VIII, 172), и то, что одни оставляют «след собственной личности», «след самопознания», а другие – «дела», говорит о разных формах выражения их деятельностного потенциала (1, С., VIII, 176, 180).

Концепт «*достоинство*» в художественно-философском человекознании Тургенева в поразительном единстве сплавляет *сущее, онтологическое, экзистенциальное и этическое*. Ведь не случайно Тургенев утверждал, что «истина есть не что иное, как природа человека», что «всё духовное в природе соединилось в одну светлую точку, которая называется “Я”» (1, П., I, 436, 437). «Добрые дела» оказываются именно тем, что не обесценивает человеческое существование даже перед Природой как «вечной Изидой», перед Вселенной, Вечностью: «...Добрые дела не разлетятся дымом; они долговечнее самой сияющей красоты» (1, С., VII, 51; VIII, 191).

В то же время «гуманистический пессимизм» – свойство художественной натурфилософии Тургенева – хорошо ощущается во внутренней атмосфере произведений писателя. Это было выражением *созерцательного* отношения к бытию, к миру субъектов сознания и речи его произведений. «Космический» «пояс» тургеньевских романов и повестей (6, с. 729) сопряжён, в первую очередь, с рефлексией универсальных стихий, сверхчувственных форм сущего и бытия (не идентифицирующихся в формах опыта, поскольку такие формы бессильны в освоении загадочных глубин жизни, её многомерности и многообразия), а также проблем онтологии человеческого бытия. Существование, природа, жизнь, смерть, душа, истина, свобода, человек, «завершающий все стремления и усилия природы» (3, с. 131), всегда оставались для писателя предметами «неистребимой жажды разума» (И. Кант), жажды познания. В «Воспоминаниях о Белинском» (1869) он писал о том, что «философические вопросы о значении жизни, об отношениях людей друг к другу и к божеству, о происхождении мира, о бессмертии души и т. п.» «тревожат... не дают покоя человеку, особенно в молодости» (1, С., XIV, 27). Существование как форма бытия, возникающего из сущего, в онтологии Тургенева трактуется как реальность, обуславливающая ценность единичной, конкретной «живой жизни», уникального, конечного («мгновенного») бытия – и не только человека, но всего живого.

Вот символический образ существования, нарисованный художником слова (письмо Полине Виардо от 19 апреля (1 мая) 1848 года.): «Я без волнения не могу видеть, как ветка, покрытая молодыми зеленеющими листьями, отчётливо вырисовывается на голубом небе – почему? Да, почему? По причине ли контраста между этой маленькой живой веточкой, колеблющейся от малейшего дуновения, которую я могу сломать, которая должна умереть, но которую какая-то великодушная сила оживляет и окрашивает, и этой вечной и пустой беспредельностью, этим небом, которое только благодаря земле сине и лучезарно?» (1, П., I, 460). «Мимолетная красота» единичного, конечного существования «возникающих, исчезающих» форм природы лирическим героем философского, по авторскому определению, «отрывка» (1, П., V, 347, 358, 362) «Довольно» не противопоставляется «вечности»: «Красоте не нужно бесконечно жить, чтобы быть вечной, – ей довольно одного мгновения» (1, П., I, 460; С., IX, 120–121), поскольку в природе всё повторяется. Другое дело – человеческий мир, в нём тождество «мгновение – вечность» превращается в оппозицию, и эти начала становятся несоединимыми. Красоте достаточно мгновения только в мире природы, то есть там, «где нет личности, нет человека, нет свободы: поблекшее крыло бабочки возникает вновь и через тысячу лет тем же самым крылом той же самой бабочки; тут строго и правильно, и беслично совершает свой круг необходимость... Но человек не повторяется, как бабочка...» (1, С., IX, 121). В «Довольно» констатируется, таким образом, ещё один аспект «коренного противоречия» (1, С., IX, 121) между природой и человеком, в котором, казалось бы, проявляется внутренняя конфликтоорганизованность художественной онтологии писателя: *существование* не согласуется гармонически с *сущим*. Проясняя смысл такого противоречия, лирический герой делает важное уточнение: «В этом наше преимущество – и наше проклятие: каждый из этих «творцов» сам по себе, именно он, не кто другой, именно это я, словно создан с предназначением, с предначертанием; каждый более или менее смутно понимает своё значение, чувствует, что он сродни чему-то высшему, вечному – и живёт, должен жить в мгновенье и для мгновенья» (1, С., IX, 121). Мысль о «мгновенности» человеческой жизни преображается в сквозной мотив многих писем и произведений И. С. Тургенева. А. А. Фету он писал, например, 30 марта (11 апреля) 1864 года: «Вечность – а – вечность... точка *a* представ-

ляет то кратчайшее мгновение – се *rassourci d'atome*, как говорит Паскаль – в течение которого мы живем; – ещё мгновение – и поглотит нас навсегда немая глубина нихтзейн а...» (1, П., V, 245–246).

Несмотря на то, что, казалось бы, осознаваемая Тургеневым-философом диалектика противоречивого единства общего (Природа) и отдельного («живой человек») должна и могла бы стать воззренческой основой «примирения жизненных противоречий», в системе его взглядов, в его творчестве их «действительного примирения» (1, С., VIII, 225, 237) не обнаруживается. «Жизнь, – писал он в 1848 году Полине Виардо, – эта красноватая искорка в мрачном и немом океане Вечности, – это единственное мгновение, которое вам принадлежит...» (1, П., I, 458). Осознание «ничтожности... части времени» – человеческой жизни – «перед Вечностью» определяло пессимистическую огласовку философских медитаций даже Евгения Базарова в романе «Отцы и дети» (С., VIII, 323), единственного тургеневского героя, казалось бы, способного заставить «время зависеть» от него (1, С., VIII, 226). Вместе с тем следует подчеркнуть, что изображение «онтологической драмы человека», трагическое начало в эстетическом мире Тургенева органически вписываются в бытийную концепцию писателя: в парадигме «реального понимания природы» (3, с. 118) они реализуются полноценно.

В «Довольно» И. С. Тургенев в уста своего героя вложил слова, свидетельствующие о попытках утвердить разум, «ум» (1, П., I, 377) в качестве обоснования ценности личности, причём, не только «цельного человека», но и «раздвоенного»: «...То достоинство, на которое намекает Паскаль, когда называет человека мыслящим тростником, говорит, что если бы целая вселенная его раздавила – он, этот тростник, был бы всё-таки выше вселенной, потому что он бы знал, что она его давит, а она бы этого не знала. Слабое достоинство! <...> ...Всё его достоинство уничтожается его собственной малостью, его краткостью» (1, С., IX, 117–118). Несмотря на то, что лирический герой, будучи одной из форм выражения авторского сознания, как правило, в максимальной степени приближен автору-творцу, не стоит отождествлять их позиции. В мире идей и образов писателя всё находится в диалогических отношениях, потому любое положение нельзя рассматривать имманентно, вне внутреннего контекста. В данном случае, осмысливая проблему существования в рамках бытийной концепции писателя, важно подчеркнуть, что, утверждая идею достоинства человека, он актуализировал созерцательность как способ чувственно-эстетического, познавательного отношения к миру, поиски тех нравственно-философских оснований, которые бы обеспечивали относительность представлений об «уничтожении достоинства» человека его «собственной малостью» и «краткостью» (1, С., IX, 118).

Натурфилософскую идею «общей, бесконечной гармонии, в которой... всё, что существует, – существует для другого, в другом только достигает своего примирения и разрешения» (1, С., V, 415–416), Тургенев пытался распространить на область человеческих отношений, то есть на социальную сферу. Человеку необходимо выйти «из тесного кружка своего милого я» (1, С., I, 230) – в такой модальности рассматривал писатель проблему свободы, свободного выбора, предоставляемого индивиду его «природой» и собственным существованием. Сущность человека, как показывают «творения» его искусства, раскрывалась в способности к самопожертвованию, в стремлении к свободе, к творчеству (деятельности). Родовую его природу он трактовал как проявление общесоциального: «...Мы знаем, что краеугольный камень человека не есть он сам, как неделимая единица, но человечество, общество, имеющее свои вечные, незыблемые законы» (1, С., I, 235). Этот «мир всеобщего» представляет ту «сферу... действительности», которая обеспечивает «неистребимость... человеческого я»: «Счастлив тот, – писал Тургенев в статье о переводе М. Вронченко «Фауста» Гёте, – кто может своё случайное создание... возвести до исторической необходимости, означить им одну из эпох общественного развития...» (1, С., I, 238, 239). Признание деятельностной сущности человека было внутренне сопряжено с идеей развития, обеспечивавшей пристальный интерес писателя к эволюции типа общественного деятеля, определявший «живое отношение к современности», в чём критика усматривала «самую жизненную сторону его таланта» (4, с. 149).

«Сфера человеческой действительности» (1, С., I, 238) оказывается, таким образом, частью «великого, стройного целого», «бесконечной гармонии» мира (1, С., V, 415). Социальность как «сфера человеческой действительности» была столь значимой и принципиальной для художественной философии Тургенева, что в глазах его современников затмила органическую её связь с натурфилософской составляющей эстетического мира писателя, целостность этого мира. То, что для Тургенева оппозиция «природного» и «социального», естественного и нравственного, общественного и личного всегда сохраняла свою остроту и не прикрывалась никакой «спекулятивной философией»

(1, П., I, 481), отмечалось исследователями разного времени, обращавшимися к проблеме тургеневского историзма. Общепольную деятельность личности Тургенев считал неперенным условием её исторического, общественного и экзистенциального бытия. В письме к Т. Шторму в 1870-м году он писал: «Корабль истории поднимается очень высоко – надо крепко держаться, чтобы не быть смытым прочь», что, по его убеждению, вполне реально грозит человеку, если он в «собственной деятельности... скован» (1, П., VIII, 387). Конкретные формы деятельности писатель выводил из социальных условий. В то же время «жизнь на высотах духовного созерцания» Тургенев считал неперенным условием человеческого бытия и искания «истины» (1, С., XIV, 53.). Это основывалось на понимании того, что, говоря словами С. Л. Рубинштейна, «в онтологии человека наличие не только действительного (то есть «действия». – В. Г.), но и познавательного, созерцательного отношения к миру составляет важнейшую характеристику человека» (8, с. 87). В художественных, публицистических произведениях писателя, в эпистолярных и других его текстах, воплощалась именно такая идея.

Литература

1. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР (Наука), 1960–1968.
2. Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. М.: Худож. литература, 1982.
3. Герцен А. И. Собр. соч.: в 9 т. Т. 2. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1955.
4. И. С. Тургенев в русской критике. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1953.
5. Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. М.: Советский писатель, 1990.
6. Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство, 1997.
7. Москвина Р. Р. Человек как объект философии и литературы. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1887.
8. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.
9. Эрн В. Ф. Г. С. Сковорода. Жизнь и учение. М., 1912.

УДК 801.22

Корсунова Ирина Николаевна

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АБСТРАКТНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СОБСТВЕННО ДЕЙКТИЧЕСКИМ ЗНАЧЕНИЕМ, ОБРАЗОВАННЫХ ПО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ КОРЕНЬ + СУФФИКС -ОВИНА

В статье рассматривается ряд имен существительных определенной словообразовательной модели, получивших широкое распространение в современном русском языке; выявляются типологические особенности данных лексем.

Ключевые слова: абстрактное имя существительное, дейксис, семантика, сочетаемость.

Korsunova Irina N.

SEMANTIC FEATURES OF ABSTRACT NOUNS WITH THE DEIXIS VALUE FORMED BY THE MODEL ROOT OF THE WORD + SUFFIX -OVINA

The article considers a number of nouns certain word-building models, which are widespread in the modern Russian language; identify typological features of these tokens.

Key words: abstract noun, deixis, semantics, combinability.

Термин «дейксис» известен еще со времен античности. Однако серьезное внимание к этой категории в начале XX века привлек немецкий лингвист К. Бругман, на работу которого опирался в своем исследовании «Теория языка» (1934 г.) известный языковед К. Бюлер («Теория языка: Репрезентативная функция языка», 1995).

Немаловажными изысканиями в этой области стали исследования датского лингвиста О. Есперсена («Философия грамматики», 1958), предложившего в 1922 г. понятие *шифтер* для тех